

RU

Факторы, влияющие на употребление анафорического местоимения 3-го лица после неопределенного местоимения «кто-то»

Буров Э. Е.

Аннотация. Цель исследования - выявить факторы, ограничивающие употребление анафорического местоимения 3-го лица после 'кто-то'. В статье анализируются результаты эксперимента, в ходе которого носители русского языка оценивали предложения, содержащие анафорическое 'он (она, они)' с антецедентом 'кто-то', с точки зрения правильности употребления 'он (она, они)'. Устанавливаются и объясняются статистически значимые зависимости оценок, данных респондентами, от формальных характеристик 'кто-то' и 'он (она, они)'. Научная новизна состоит в уточнении тезиса Е. В. Падучевой об ограниченности возможностей местоимения 'кто-то' выступать в роли антецедента местоимения 3-го лица. В результате обнаружены такие факторы, как числовая характеристика местоимения 3-го лица, наличие/отсутствие рядом с 'кто-то' выражений, по роду и числу соответствующих местоимению 3-го лица, синтаксическая позиция 'кто-то'.

EN

Factors Influencing the Anaphoric Third-Person Pronoun Use after the Indefinite Pronoun "Someone"

Burov E. E.

Abstract. The paper aims to identify the factors which limit the use of the anaphoric third-person pronoun after 'someone'. The article analyzes the results of an experiment in which Russian native speakers evaluated sentences with the anaphoric 'he (she, they)' with antecedent 'someone' in terms of the correct usage of 'he (she, they)'. The study presents and explains statistically significant dependence of evaluation given by the respondents on formal characteristics of 'someone' and 'he (she, they)'. The scientific originality of the research lies in the fact that it clarifies E. V. Paducheva's idea of limited opportunities of the pronoun 'someone' to be the antecedent of the third-person pronoun. As a result, the study has revealed such factors as numerical characteristics of the third-person pronoun, presence/absence of expressions which in gender and number match the third-person pronoun next to 'someone', the syntactic position of 'someone'.

Введение

С 70-80-х гг. XX в. внимание исследователей привлекают русские неопределенные местоимения. В работах Е. В. Падучевой (1985; Зализняк, Падучева, 2019), А. Д. Шмелева (2002), Л. А. Синько (2011), О. Д. Третьяковой (2009), Анны А. Зализняк (Зализняк, Падучева, 2019), А. Л. Бегляровой (2011), Л. А. Горшковой (2009) эти слова рассматриваются с референциальной, дискурсивной, стилистической точек зрения. Но, как кажется, они до сих пор не получили исчерпывающего и непротиворечивого описания. Так, не были изучены возможности их вступления в анафорические отношения с другими словами, хотя «теория анафоры представляет собой одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений современной лингвистики» (Сигал, 2017, с. 77). Шаг в этом направлении был сделан в нашей предыдущей статье (Буров, 2021), где в указанном аспекте было рассмотрено местоимение *кто-то*. Вышеизложенное свидетельствует об актуальности темы исследования.

Как замечает Е. В. Падучева (1985) в монографии «Высказывание и его соотносительность с действительностью», «местоимения *кто-то*, *что-то* характеризуются ограниченными возможностями выступать в роли антецедента местоимения 3-го лица» (с. 212). Но какие именно ограничения действуют и как их можно объяснить?

Для достижения цели исследования решаются следующие задачи: 1) задача выявления контекстов, в которых употребление анафорического *он (она, они)* после *кто-то* приемлемо для носителей языка, и контекстов,

в которых такое употребление неприемлемо; 2) задача обнаружения таких характеристик местоимений *кто-то* и *он* (*она, они*), которые специфичны для приемлемых контекстов, и таких характеристик этих местоимений, которые специфичны для контекстов неприемлемых; 3) задача лингвистического объяснения того влияния, которое обнаруженные характеристики оказывают на приемлемость/неприемлемость анафорического местоимения.

Применяемые методы исследования – это метод лингвистического эксперимента и статистические методы. В ходе эксперимента оказывается возможным выявить контексты, в которых употребление анафорического *он* (*она, они*) после *кто-то* приемлемо/неприемлемо для «среднего» носителя языка. Статистические методы позволяют обнаружить значимые, неслучайные зависимости между характеристиками местоимений *кто-то* и *он* (*она, они*) и приемлемостью/неприемлемостью употребления анафорического местоимения 3-го лица.

Теоретическую базу исследования составляют труды Е. В. Падучевой (1985), А. А. Кибрика (1987а; 1987б), А. Д. Шмелева (2002), в которых освещаются вопросы, связанные с референцией и анафорой, референциальными и анафорическими свойствами местоимений.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при преподавании (например, при преподавании русского языка как иностранного или при ведении спецкурса по семантике местоимений).

Основная часть

На первом этапе исследования был проведен лингвистический эксперимент. Носителям русского языка, в первую очередь студентам Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, предлагалось через сервис Google Формы оценить следующие 16 предложений, в каждом из которых после *кто-то* употребляется анафорическое *он* (*она, они*):

1. *В мозгу кого-то из бандитов, видимо, сработал случайный триггер, и он несколько раз хлопнул в ладоши.*
2. *В соседней комнате кто-то разговаривал; внезапно они смолкли.*
3. *Ведь кто-то же дает им информацию – возможно, он и организует...*
4. *Героями становятся только на войне, и если бы там кому-то из нас отсекло ноги, как Алексею Мересьеву, он был бы счастлив.*
5. *Если кто-то и подумывает сюда вторгаться, они знают, что за нами стоит великая Россия.*
6. *Здесь кто-то был, но я его не заметил.*
7. *Иногда про кого-то говорят, что он человек-оркестр.*
8. *Когда кто-то впервые встал на путь подлога, то и он <...> занялся отнюдь не деформацией черепов, а простой подтасовкой разрозненных костных фрагментов человекообразной обезьяны и так называемого курганного человека.*
9. *Кого-то еще из родни арестовывали: они тоже пропадали.*
10. *Кому-то и Парнас тогда отмежевали; он стал пасти на нем Ослов.*
11. *Кому-то повезет, и он вернется, но только для того, чтобы опять попробовать.*
12. *Кто-то ходила, одетая по-феминистски просто, но в архив она одевалась корректно: в фуфайке ей приходилось самой таскать пыльные папки, а когда была в дамском пиджаке, то ей помогли служители.*
13. *Люди кого-то уполномочивают, чтобы он принимал решения.*
14. *На самом деле, если кто-то раньше успешно выполнил определенную работу, вряд ли он повторит этот результат снова.*
15. *Только это был кто-то из людей, очень близких Христу, – такой близкий, что когда учителя арестовали, а потом поволокли на судилище, он ходил и плакал вместе со всеми.*
16. *Я понимал, что сзади кто-то крадется, быстро оглядывался, но он всегда успевал отскочить за дерево.*

Респонденты оценивали, насколько уместно в каждом из предложений использовать местоимение *он* (*она, они*).

Предложения № 1, 3, 4, 7, 8, 11, 13, 14, 15 были отобраны случайным образом из тех результатов, которые Национальный корпус русского языка (Национальный корпус русского языка, 2022) предлагает при осуществлении в Основном корпусе поиска по запросу «*кто-то* на расстоянии от 1 до 20 от *он, ном*», предложение № 5, 9 – при осуществлении поиска по запросу «*кто-то* на расстоянии от 1 до 20 от *они, ном*», предложение № 12 – при осуществлении поиска по запросу «*кто-то* на расстоянии от 1 до 20 от *она, ном*». Предложения № 2, 6, 10 – это несколько трансформированные примеры из монографии (Падучева, 1985, с. 156, 212). Предложение № 16 – трансформированный пример из рассказа Ф. Искандера «Первое дело».

При подготовке эксперимента была выдвинута следующая гипотеза: в предложениях, которые респонденты оценят как наиболее «правильные», окажется нечто общее, что можно будет считать фактором, способствующим употреблению анафорического *он* (*она, они*) после *кто-то*, а в предложениях, которые оценят как наименее «правильные», – нечто общее, что можно будет посчитать препятствующим фактором.

В оценивании предложений поучаствовало 139 человек. Каждый из них отметил каждое предложение (или почти каждое: 2 человека пропустили по одному предложению) либо как правильное, либо как неправильное, либо как сомнительное. Соответственно, он поставил каждому (или почти каждому) предложению либо 3 балла, либо 1 балл, либо 2 балла, ср. подобную систему перевода качественной оценки в количественную в работе Б. Ю. Нормана (2006, с. 244-245).

В результате каждое предложение получило 139 (или 138) оценок. Можно вычислить среднее арифметическое этих оценок, см. таблицу ниже (Таблица 1).

Таблица 1. Средние баллы предложений (предложения расположены в порядке убывания средних баллов).

№ предложения	Средний балл (среднее арифметическое всех оценок, данных предложению)	№ предложения	Средний балл (среднее арифметическое всех оценок, данных предложению)
11	2,813	13	2,30
6	2,806	4	2,24
14	2,80	5	2,21
16	2,78	9	2,20
15	2,73	12	2,12
7	2,68	1	2,11
3	2,54	10	1,94
8	2,53	2	1,79

Попробуем определить, что отличает предложения, получившие наиболее высокие средние баллы, от предложений, имеющих наиболее низкие средние баллы, и выявить таким образом факторы, влияющие на приемлемость/неприемлемость использования после *кто-то* анафорического *он* (*она*, *они*).

Искомые факторы могут быть связаны: 1) с характеристиками анафорического выражения, то есть местоимения *он* (*она*, *они*); 2) с характеристиками антецедента, то есть местоимения *кто-то*.

Обратимся сначала к характеристикам анафорического выражения.

Можно заметить, что среди шести предложений, получивших наиболее низкие оценки, оказываются все предложения с анафорическим выражением, имеющим форму множественного числа, то есть с анафорическим выражением *они* (предложения № 5, 9, 2).

Является ли зависимость средней оценки предложения от числовой характеристики анафорического выражения значимой неслучайной?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к понятию статистически значимой зависимости. Статистически значимая зависимость – такая зависимость, случайное возникновение которой маловероятно. Под малой вероятностью понимается вероятность меньше 0,05.

Вычислить вероятность зависимости некоторой величины от некоторого фактора позволяет процедура однофакторного дисперсионного анализа, которую мы и используем (см. подробнее о дисперсионном анализе в работе Л. Н. Большевой (2017)). Выполнение расчетов осуществляется в рабочей среде R с применением функции *aov()*.

Однофакторный дисперсионный анализ показывает, что фактор числовой характеристики анафорического выражения является статистически значимым: вероятность того, что зависимость средней оценки предложения от числовой характеристики анафорического выражения в нем случайна, равна 0,0469.

Итак, предложения с анафорическим выражением *они* получают статистически значимо более низкие оценки, чем предложения с анафорическим выражением *он* (*она*).

Ср. предложения с анафорическим выражением *они*:

5. Если *кто-то* и подумывает сюда вторгаться, **они** знают, что за нами стоит великая Россия.
9. Кого-то еще из родни арестовывали: **они** тоже пропадали.
2. В соседней комнате *кто-то* разговаривал; внезапно **они** смолкли.

Как объяснить лингвистически выявленную связь между той формой числа, в которой находится анафорическое выражение, и приемлемостью/неприемлемостью анафорического выражения?

На первый взгляд кажется, что нет причин, по которым числовая характеристика анафорического выражения в предложениях № 5, 9, 2 могла бы препятствовать его употреблению.

В самом деле, как отмечает В. В. Виноградов (2001), «местоимения *кто*, *никто*, *некто* (*кто-нибудь*, *кто-либо*, *кто-то*) имеют формы только единственного числа, но они могут обозначать и нескольких лиц» (с. 276). А поскольку для анафорического выражения и его антецедента характерно согласование «по смыслу» (такая связь называется конгруэнтностью, см. работу И. А. Мельчука (1993, с. 50)), употребление местоимения *они* в качестве анафорического выражения в контекстах, где *кто-то* обозначает нескольких лиц, не должно, несмотря на формальную рассогласованность между *они* и *кто-то* по числу, вызывать неприятия у носителей языка.

Однако если сравнить между собой *кто-то*, обозначающее нескольких лиц, и *они*, то можно заметить, что *кто-то* обозначает множество лиц, которое цельно в своей неопределенности, а *они* представляет свой референт как дискретное множество.

В этом, как кажется, и состоит причина «неправильности» предложений № 5, 9, 2: в них между антецедентом и анафорическим выражением происходит семантическое рассогласование, состоящее в неодинаковости способа, которым антецедент и анафорическое выражение представляют множественность своего референта. Условно говоря, в одном случае имеет место способ цельного представления, а в другом – дискретного.

Показательно, что поиск примеров употребления анафорического *они* после *кто-то* (поисковый запрос: *кто-то* на расстоянии от 1 до 20 от *они*) в подкорпусе со снятой омонимией Основного корпуса Национального корпуса русского языка не дает ни одного результата.

Нельзя не отметить, что в двух из рассматриваемых трех предложений – предложении № 5 и предложении № 2 – глагол при *кто-то* находится в форме единственного числа (*подумывает, разговаривал*). Можно было бы предположить, что эффект цельности, недискретности множества, обозначаемого местоимением *кто-то*, порождается в этих предложениях именно указанными глагольными формами, так что если заменить *подумывает* на *подумывают*, а *разговаривал* – на *разговаривали* (не *кто-то подумывает*, а *кто-то подумывают*; не *кто-то разговаривал*, а *кто-то разговаривали*), то анафорическое *они* станет приемлемее.

В принципе употребление при *кто-то* глагола в форме множественного числа допустимо, ср. контексты из основного корпуса Национального корпуса русского языка:

Но видели бы вы, что началось, когда в знак уважения к организаторам кто-то предложили выйти на финальный поклон в шапках. [Андрей Митьков. Ирина Роднина: «Не желаю возвращаться в коммунальную квартиру» // «Известия», 2001.12.14] (Национальный корпус русского языка, 2022).

Находятся оригиналы, которые не хотят встречать Новый год, уставившись в телевизор. Кто-то встречают его... на лыжах, бежит новогодний марафон! [Новый Год: водка, елка и бодрый пенсионер // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.11] (Национальный корпус русского языка, 2022).

Однако, как представляется, предположение о том, что эффект недискретности множества, обозначаемого местоимением *кто-то*, связан в предложениях № 5 и № 2 со значением единственного числа, которое имеют согласующиеся с *кто-то* глагольные формы, неверно. На это указывает следующий факт: такую же низкую оценку, как предложения № 5 и № 2, содержащие согласующиеся с *кто-то* глагольные формы единственного числа, имеет предложение № 9, вообще не содержащее согласующихся с *кто-то* глагольных форм. Впрочем, для более точной и убедительной проверки предположения следовало бы провести еще один эксперимент, включив в опрос примеры типа *кто-то подумывают... они...*

Дальнейший анализ не обнаруживает каких-либо других характеристик анафорического выражения, которые находились бы в статистически значимой связи со средними оценками предложений. В частности, не может быть признана фактором, влияющим на употребление анафорического выражения, его родовая характеристика (мужской/женский род). Вероятность того, что зависимость средней оценки от этой характеристики случайна, составляет 0,236.

Посмотрим теперь на характеристики антецедента. Как кажется, на приемлемость/неприемлемость анафорического выражения могут влиять такие факторы, как 1) референтность/нереферентность антецедента, то есть фиксированность/нефиксированность обозначаемого антецедентом объекта; 2) подлежащая/неподлежащая позиция антецедента; 3) наличие/отсутствие при антецеденте других выражений, которые могли бы в силу своих грамматических характеристик выступать в роли антецедента. Факторы № 1 и № 2 уже рассматривались нами применительно к ограничениям на употребление анафорического местоимения 3-го лица после *кто-то* (Буров, 2021).

Однофакторный дисперсионный анализ показывает, что средняя оценка предложения не находится в статистически значимой зависимости ни с одним из перечисленных трех факторов:

- 1) вероятность того, что зависимость от 1-го фактора случайна, равна 0,409;
- 2) вероятность того, что зависимость от 2-го фактора случайна, равна 0,127;
- 3) вероятность того, что зависимость от 3-го фактора случайна, равна 0,096.

Однако связи с указанными факторами не обнаруживается только в том случае, когда анализируются средние оценки всех 16 предложений. Если же ограничиться только оценками, полученными 13 предложениями с анафорическим выражением *он (она)*, то однофакторный дисперсионный анализ покажет следующие результаты для средних оценок этих 13 предложений:

- 1) вероятность того, что зависимость от 1-го фактора случайна, равна 0,525;
- 2) вероятность того, что зависимость от 2-го фактора случайна, равна 0,0208;
- 3) вероятность того, что зависимость от 3-го фактора случайна, равна 0,0182.

Как видим, вероятность для 2-го (подлежащая/неподлежащая позиция *кто-то*) и 3-го (наличие/отсутствие при *кто-то* других выражений, которые могли бы в силу своих грамматических характеристик выступать в роли антецедента) факторов оказывается ниже общепринятого уровня статистической значимости.

Можно, таким образом, сделать вывод, что указанные две характеристики антецедента оказывают значимое влияние на среднюю оценку предложения, но только в том случае, если анафорическое выражение в предложении находится в форме единственного числа.

Эти характеристики антецедента являются, следовательно, факторами второго порядка: они действуют в том случае, если определенным образом срабатывает фактор первого порядка, а именно числовая характеристика анафорического выражения.

Иными словами, если анафорическое выражение имеет форму множественного числа (*они*), то этого оказывается достаточно, чтобы носители языка признали его употребление «неправильным». Если же он имеет форму единственного числа (*он (она)*), то анафорическое выражение может казаться носителям языка более приемлемым или менее приемлемым уже в зависимости от характеристик антецедента *кто-то*, а именно:

- 1) если антецедент занимает позицию подлежащего, то анафорическое выражение кажется более приемлемым (ср. предложения № 11, 6, 14, 16, 15, 3, 8, 12, имеющие относительно высокую среднюю оценку), а если нет – менее приемлемым (ср. предложения № 7, 13, 4, 1, 10, имеющие относительно низкую среднюю оценку);
- 2) если в предшествующей анафорическому выражению *он (она)* части текста рядом с антецедентом употреблены другие выражения, которые в силу своих грамматических характеристик могут выступать в роли

антецедента, анафорическое выражение кажется менее приемлемым (ср. предложения № 8, 4, 1, 10, имеющие относительно низкую среднюю оценку), а если не употреблены – более приемлемым (ср. предложения № 11, 6, 14, 16, 15, 7, 3, 8, 13, 12, имеющие относительно высокую среднюю оценку).

Как объяснить эти зависимости лингвистически?

Лингвистическое объяснение первой зависимости можно найти в статье А. А. Кибрика (1987b, с. 84) «Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация»: «Прономинализация тесно связана с подлежащим статусом предшествующих наименований Референта. Если референт кодирован подлежащим, он очень часто после этого оказывается в фокусе внимания и легко прономинализуется» (разрядка А. А. Кибрика. – Э. Б.).

Что касается второй зависимости, то она, как кажется, может быть объяснена через понятие референциального конфликта, введенное А. А. Кибриком (1987a).

Когда в части текста, предшествующей анафорическому местоимению 3-го лица, присутствует сразу несколько выражений, которые по своим родовым и числовым характеристикам ему соответствуют, возникает референциальный конфликт: становится неясно, к какому именно из этих выражений отсылает анафорическое местоимение. Чтобы компенсировать неоднозначность, необходимо проанализировать семантический (пропозициональный) контекст, то есть состав той пропозиции, в которую входит анафорическое выражение. Во всех анализируемых предложениях, где есть несколько претендентов на роль антецедента, этого оказывается достаточно для компенсации референциального конфликта, ср. предложения № 8, 4, 1, 10 (жирным выделены выражения, по своим числовым и родовым характеристикам соответствующие анафорическому выражению):

8. Когда **кто-то** впервые встал **на путь подлога**, то и он <...> занялся отнюдь не деформацией черепов, а простой подтасовкой разрозненных костных фрагментов человекообразной обезьяны и так называемого курганного человека.

4. Героями становятся только на войне, и если бы там **кому-то** из нас отсекло ноги, как **Алексею Мересьеву**, он был бы счастлив.

1. **В мозгу кого-то** из бандитов, видимо, сработал случайный **триггер**, и он несколько раз хлопнул в ладоши.

10. **Кому-то** и **Парнас** тогда отмежевали; он стал пасти на нем Ослов.

Несмотря на то, что анализ семантического контекста в каждом случае позволяет успешно компенсировать референциальный конфликт, сама необходимость этой процедуры затрудняет интерпретацию анафорического выражения. Вероятно, поэтому носители языка считают употребление местоимения *он* в предложениях № 8, 4, 1, 10 в целом менее приемлемым, чем употребление местоимения *он* (*она*) в предложениях № 11, 6, 14, 16, 15, 7, 3, 8, 13, 12, где анафорическому выражению предшествует лишь одна единица, соответствующая ему по числу и роду.

Заключение

В результате исследования можно сделать следующие выводы.

Носители русского языка по-разному оценивают приемлемость анафорического местоимения 3-го лица после *кто-то* в разных контекстах, причем расхождение между оценками, которые «средний» носитель русского языка дает анафорическому *он* (*она*, *они*) после *кто-то* в разных контекстах, оказывается весьма существенным.

Отчетливо выделяется группа предложений, в которых употребление анафорического местоимения 3-го лица после *кто-то* приемлемо для носителей языка (ср. предложения № 11, 6, 14, 16, 15, 7, 3, 8, имеющие средний балл выше 2,5). Однако существует группа предложений, в которых такое употребление для носителей языка скорее неприемлемо (ср. предложения № 10 и № 2, имеющие средний балл ниже 2).

Обнаруживается статистически значимая связь между той группой, к которой относится предложение, и формальными характеристиками местоимений *кто-то* и *он* (*она*, *они*) в нем. Речь идет о следующих трех характеристиках:

- 1) числовая характеристика анафорического местоимения 3-го лица;
- 2) синтаксическая позиция местоимения *кто-то*;
- 3) наличие/отсутствие рядом с *кто-то* других выражений, по своим числовым и родовым характеристикам соответствующих анафорическому выражению.

Зависимость степени приемлемости анафорического *он* (*она*, *они*) после *кто-то* от числовой характеристики *он* (*она*, *они*) можно объяснить спецификой представления местоимением *кто-то* множественности лиц. *Кто-то*, обозначая множество лиц, представляет его как нечто цельное, единое, поэтому с трудом допускает после себя анафорическое *они*, которое, напротив, представляет множество лиц как нечто дискретное.

Зависимость от второй и третьей характеристик связана с тем, что оптимальное использование анафорического местоимения 3-го лица для обозначения некоторого объекта предполагает, во-первых, нахождение этого объекта в фокусе внимания (что обеспечивается подлежащей позицией предшествующего наименования этого объекта), а во-вторых, отсутствие риска возникновения референциального конфликта.

Таким образом, можно, в соответствии с вышеприведенными тремя характеристиками, говорить о трех факторах, влияющих на употребление анафорического *он* (*она*, *они*) после *кто-то*.

Отметим, что фактор № 1, как показало исследование, является первичным, а факторы № 2 и № 3 – вторичными. Имеется в виду, что факторы № 2 и № 3 начинают действовать в том случае, если определенным

образом срабатывает фактор № 1, а именно – если анафорическое местоимение 3-го лица принимает форму единственного числа.

Указанные факторы частично совпадают с теми факторами, которые мы выявили ранее при изучении ограничений на употребление анафорического местоимения 3-го лица после *что-то* (Буров, 2021): синтаксическая позиция antecedента оказывает значимое влияние как на приемлемость/неприемлемость анафорического *оно* после *что-то*, так и на приемлемость/неприемлемость анафорического *он (она)* после *кто-то*.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном анализе результатов проведенного эксперимента, а также в проведении новых экспериментов с анафорической парой «*кто-то + он (она, они)*». Вполне возможно, что были отмечены далеко не все факторы, влияющие на употребление анафорического *он (она, они)* после *кто-то*.

Источники | References

1. Беглярова А. Л. Неопределенное местоимение как компонент образной структуры художественного текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 2.
2. Большев Л. Н. Дисперсионный анализ. 2022. URL: <https://bigenc.ru/mathematics/text/1958678>
3. Буров Э. Е. Факторы, влияющие на употребление анафорического местоимения 3-го лица после неопределенного местоимения «что-то» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 11.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 2001.
5. Горшкова Л. А. Семантика неопределенных местоимений в прозе Б. К. Зайцева // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2009. № 1.
6. Зализняк Анна А., Падучева Е. В. Русское «что-то» как дискурсивное слово // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: сборник по материалам ежегодной международной конференции Диалог-2019 (г. Москва, 29 мая - 1 июня 2019 г.). М.: РГГУ, 2019.
7. Кибрик А. А. Механизмы устранения референциального конфликта // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987а.
8. Кибрик А. А. Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация // Вопросы языкознания. 1987b. № 3.
9. Мельчук И. А. Согласование, управление, конгруэнтность // Вопросы языкознания. 1993. № 5.
10. Национальный корпус русского языка. 2022. URL: <https://ruscorpora.ru>
11. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта; Наука, 2006.
12. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985.
13. Сигал К. Я. Анафорическое отношение: к уточнению понятия // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2017. № 5.
14. Синько Л. А. Референтные и дискурсивные свойства неопределенных местоимений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 2.
15. Третьякова О. Д. Функции неопределенных местоимений без показателя неопределенности (на материале славянских языков) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2009. № 1.
16. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Информация об авторах | Author information

Буров Эдуард Евгеньевич¹

¹ Иркутский государственный университет

Burov Eduard Evgenievich¹

¹ Irkutsk State University

¹ zhenyabur@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.01.2022; опубликовано (published): 31.03.2022.

Ключевые слова (keywords): анафора; местоимение ‘кто-то’; местоимение ‘он (она, они)’; факторы, влияющие на употребление анафорического местоимения; статистическая значимость; anaphora; pronoun ‘someone’; pronoun ‘he (she, they)’; factors influencing anaphoric pronoun use; statistical significance.